

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.37

Г.Н. Миненко

АФФЕКТИВНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Проблематика устойчивого развития общества выросла в 1990-е годы из настоятельной потребности осмыслиения причин и сущности современного глобального кризиса индустриальной цивилизации и поиска путей выхода из него. К принятию акций международного масштаба, в числе которых и экологический конгресс в Рио-де-Жанейро в июле 1992 г., привело, по словам Н.Н.Моисеева, «интуитивное представление о возможности катастрофического исхода современного пути эволюции планетарной цивилизации» [1, с. 318].

Концептуализация устойчивого развития общества в настоящее время заметно отстает в сравнении с другими областями социальной науки. Обозначим тот теоретический контекст, в котором возможна ее разработка. Первым таким контекстом, на наш взгляд, является теоретическое отображение того *кризисного этапа развития*, в котором мы находимся. Отечественные ученые и мыслители не пошли по пути узко рецептурных и технологических подходов в понимании современной кризисной ситуации, а проявили склонность к широким обобщенным подходам. При всем различии теоретических позиций ученых, таких как Н.Н. Моисеев, Ю.В. Яковец, А.П. Назаретян, все они основываются на методологии эволюционизма. Хотя, в зависимости от выбора общей социальной теории истолкование причин и модели разрешения кризиса будут различными. Основ-

ными из таких теорий являются универсальный эволюционизм, теория циклизма или волновой социальной динамики, и междисциплинарная теория социального прогресса.

Кризисный контекст очень важен. Тема устойчивого развития в абстрагировании от темы кризиса, на наш взгляд, не может обсуждаться. В ответ на появление идеи устойчивого развития названными учеными, да и многими другими, было резонно отмечено, что линейного, бескризисного развития в обществе вообще не бывает. Поэтому довольно скоро обоснование идеи устойчивого типа социальной динамикишло по пути согласования этих двух разных концептов. Кризисное, прерывистое развитие и развитие устойчивое обсуждать нужно во взаимосвязи. Это первый контекст теоретического осмыслиения устойчивого развития.

Менее осознан и разработан другой контекст - *антропологический*. Как принципиального тезиса следует отметить, что проблема современного глобального кризиса индустриальной цивилизации основным своим движущим началом и ядром имеет проблему кризиса человека. В том, что такой тезис не надуман, убеждает логика развития научных подходов в осмыслиении темы взаимодействия общества и природы в последние три десятилетия. Этот тезис естественным образом появился в ходе дискуссий и научных штудий 1970-1990-х годов о глобальных проблемах современности. Толчок им дали

первые доклады Римскому клубу. Развитие тематики докладов от начала и до настоящего времени происходило в определенном направлении, а именно: от констатации и изучения внешних пределов развития научно-технической цивилизации – к пониманию необходимости осмыслиения *внутренних пределов человека*, как источника возникновения пределов внешних и глобального кризиса в целом. Такая радикальная смена акцентов произошла довольно быстро. Первый доклад Клуба «Пределы роста» появился в 1972 г., а уже в 1977 г. его директор А. Печчини пишет работу «Человеческое качество» (The human Quality), основной идеей которой являлась мысль о невозможности научно-технического решения обострившихся проблем без радикального изменения человеческого качества – духовно-нравственного состояния среднего, массового человека.

Размышления других исследователей глобальных проблем над вопросом об истоках и эпицентре кризиса научно-технической цивилизации также постепенно смещали интерес к социальным и индивидуальным аспектам человека. В отечественной науке это углубление проблематики ясно прослеживается, например, у академика Н.Н. Моисеева. В начале 1990-х годов он пишет: «...постепенно из-за горизонта начинает подниматься главная проблема современности – “проблема человека”. Она перестает носить чисто философский или этический характер и приобретает

вполне практическое... значение» [2, с. 93]. Позднее его подход углубляется и он говорит уже о том, что мы неизбежно должны перейти к обсуждению проблем эволюции внутреннего мира человека, найти способы такого воздействия на него, чтобы внутренний духовный мир человека превратился в его основную ценность. В этом, лежит ключ к сохранению вида *homo sapiens* на планете.

Еще более показательна эволюция самого Римского клуба. В 1990 г. он впервые выступил с собственным докладом под названием «Первая глобальная революция». В нем проблема определения источников кризисного состояния мирового сообщества впервые ставится на основе *идей первичности индивида* как фактора позитивных и негативных изменений в экологической, демографической и т.п. сферах. В частности отмечается: «Все проблемы как индивидуального, так и колективного характера коренятся в природе человека. Без интенсивного познания внутренних ограничений и потенций наш подход к принятию решений останется на уровне фиксации симптомов болезни, остающейся неизвестной. Пытаясь предотвратить войны, например, мы никогда не добьемся успехов, пока не поймем причины конфликтов внутри самих себя» [3, с. 254]. Нужно сказать, что весь дух доклада свидетельствует о признании авторами необходимости радикальных изменений человека в его индивидуальной ипостаси.

Поэтому можно констатировать, что в настоящее время налицо постановка вопроса о том, что без радикального изменения качества социального индивида, более того – без познания неких его *внутренних ограничений*, ни выход из кризиса, ни устойчивое развитие, как бы его ни понимать, невозможны. Однако познание внутреннего мира человека – задача высшего уровня сложности,

далеко отстоящая от методологии и предметности большинства естественных и социальных наук. Субъективность человека неприступна для обычной субъект-объектной методологии. Римский клуб брался за эту тему, но не достиг значимых результатов. В Хельсинкской декларации 1984 г. «Римский клуб – переосмысление миссии» говорится: «Клуб с его идеалами не может пройти мимо проблем человеческой природы. Мы всегда подчеркивали необходимость исследований человеческой жизни, но до сих пор избегали глубокого анализа» [3, с. 53].

Учитывая явный методологический тупик в исследовании внутреннего мира методами объектного анализа, можно использовать прием совмещения философско-умозрительного подхода с историко-культурной разверткой, или верификацией, введенных антропологических положений. Мы исходим из того, что изучать внутренний мир человека невозможно в форме локализованных во времени точек – индивидуальных сознаний. Духовный мир человека, в отличие от пространственно-материального, развернут, прежде всего, во времени. И изучаться он может лишь как процесс, охватывающий значительный отрезок времени и представленный в текстах культуры. В этом случае текст выступает репрезентантом внутреннего мира человека, что и позволяет хотя бы в некоторой мере включить субъективность в «нормальную» субъект-объектную схему исследования.

Употребляемое Римским клубом понятие внутренних ограничений, или пределов человека, выводит на онтологическую диалектику. Предел и конечность человека противополагаются его беспредельности и бесконечности. Человек в этом случае выступает как диалектически-противоречивое, конечно-беско-ничное существо. Такая традиция его понимания, хотя и

не слишком распространенная, представлена именами крупных мыслителей прошлого, особенно в России. История европейской культуры это подтверждает. Последние 3000 лет европейское человечество находится в состоянии непрерывной внешней и внутренней (духовной) экспансии. В европейцах ярко проявилось сущностное качество человека – стремление к превосходению заданных природой пределов.

В чем именно проявляются эти пределы, можно показать на одном примере. Русский социолог эмигрант П.А. Сорокин предложил модель, описывающую волновое движение культуры в средиземноморском регионе за последние шесть тысяч лет. Он полагал, что происходит последовательный переход от культуры одного типа к другому. Первый – культура чувственного типа, в которой высшей реальностью является материальная реальность, а жизненные ценности имеют материальный, чувственный характер. Затем она последовательно сменяется культурой духовного типа, примером которой является религиозная культура Средневековья, и интегральной, характеризующейся более сбалансированным соотношением материального и духовного. Последние триста лет в Европе господствовала культура чувственно-материальная, которую Сорокин резко критикует. Если вдуматься в эту критику, то можно сказать, что ее острие направлено против *принципа удовольствия*, на котором выстраивается жизненная практика, экономическая мотивация, искусство и многое другое в этой культуре. Идеология, акцентирующая ценность удовольствия, называется *гедонизмом*. Гедонизм критиковали до Сорокина и после, но в индустриальном обществе он набирал силу, не сдает позиций и сейчас, когда осознана опасность основанного на нем безудержного материального потребления. Современная рекла-

ма, особенно в отечественной упаковке, использует именной страсть к удовольствию для создания мотивации приобретения.

Гедонизм, обнаруженный и отрицательно оцененный мыслителями еще в период греческой цивилизации не до конца был преодолен, но лишь отодвинут, в христианскую эпоху. Постепенно он набирал силу в процессе обмирщения европейской культуры в последние 300 лет и фактически стал одним из главных факторов актуализации внешних пределов роста научно-технической цивилизации XX столетия.

Правильная перспектива понимания упорства принципа гедонизма возникает только тогда, когда мы полагаем его как сущностный *предел человека*. Под понятием «пределы человека» имеются в виду пределы восхождения человека к более совершенному состоянию его социальной и индивидуальной природы, или пределы его стремлениям к трансценденции, как выражаются в философии. Речь в данном случае не идет о тех конечных материально-энергетических параметрах, внутри которых только и может существовать человек как материально-духовное существо. Они бесчисленны и необходимы, по крайней мере, на достигнутом человеком уровне развития индивида и общества.

Принцип удовольствия органически связан с внутренним миром, со специфическим устройством «машины жизни» – мотивационно-волевого ядра человека. Согласно системной концепции мотивации Д.В. Колесова, возникновение психики связывается с формированием гедонического рецептора, работающего по принципу различения приятного и неприятного, выполняющего функцию оценки хода и результата удовлетворения потребности. И как таковой он очень эффективен. То есть в своих истоках принцип удовольствия функционален,

полезен и неотделим от процесса удовлетворения потребностей. На основе гедонического ядра потребностного цикла эволюционно преемственно возникает и эмоциональное подкрепление. Многообразие эмоций не устраняет первичного гедонизма, а, наоборот, акцентирует его. Модальности, или виды эмоций располагаются между теми же полюсами «приятное» – «неприятное».

Вместе с тем, следует принципиально отметить, что этот элементарный гедонизм вовсе не является нерушимым камнем жизни. В развитой культурной среде он ведет к социальным издержкам, таким как наркотизм, алкоголизм и другие подобные формы акцентированной субъективности, пристрастия человеческой природы к принципу удовольствия.. Суть происходящей в этом случае трансформации в том, что *средство* поддержания жизни и защиты пользы организма превращается в *цель* активности. Происходит утончение, эстетизация, качественное и количественное разрастание субъективности и одновременно рост неустойчивости, эфемерности всего человеческого.

Ключевое слово в истолковании гедонизма – субъективность. Понятие субъективности две неравнозначных модальности. *Когнитивная субъективность*, связанная с познавательными процессами, имеет объективный коррелят, благодаря чему мы в способны к познанию объективной истины о тех или иных явлениях мира, и к практическому овладению ими в интересах человека. На этом основывается вся наука и социальная практика. *Аффективная же субъективность* человека есть нечто иное. Она безотносительна и не имеет объективного коррелята. В мире нет таких объективно данных явлений, которые можно соотнести приятным и неприятным, радостью и страданием, с многообразной и текучей реальностью эмоций

и чувств. Человек, как замкнутая капсула-монада, в значительной мере отделен от внешнего, большого мира. Сейчас модно говорить о космизме человека. Чтобы человек стал космическим, открытым миру существом нужно преодолеть замкнутость капсулы на себя, или по нашей терминологии – преодолеть предел субъективности.

В психологии уникальность эмоциональных проявлений человека как сферы чистой субъективности подчеркивалась чрезвычайно редко. Одним из исключений является великий русский психофизиолог А.А. Ухтомский. Называя эмоции чувствованиями, он отмечал: «Всеобщий и отличительный признак чувствования – это его субъективность» [4, с.270]. Он же однозначно возводит эмоциональность к первичному «гедоническому тону ощущений».

Субъективность подкрепляющих центров активности организма и личности (в данном случае гедонического и эмоционального) является *пределом человека*. Пределом потому, что подкрепляющий центр является конечным звеном потребностного цикла – внутренним поощрением или, наоборот, наказанием. По христианской аскетической традиции именно гедоническое начало порождает так называемые противоестественные или страстные состояния человеческой природы, преодолеть которые невероятно трудно. Это такие страсти как гнев, зависть, ненависть чревоугодие и масса подобных вечных спутников человека. Авторитетный исследователь христианской аскетики А.С. Зарин, ссылаясь на многих Отцов Церкви, пишет: «”Удовольствие” лежит в основе всех “страстей”... Отсюда многие аскеты, из боязни развить в себе “страсть”, относились подозрительно и даже отрицательно ко всему вообще удовольствию, всеми мерами избегая чувства

физической удовлетворенности и приятности» [5, с. 654, 655].

Спиноза говорил о рабстве человека у своей природы - аффектов, влечений, эмоций. Но можно о рабстве человека у природы как субъективности. Он же дает яркое описание мотивации раннебуржуазного человека. Она сводится им к совокупности влечений, привязанных к удовольствию-страданию, то есть фактически – к гедоническому ядру.

Однако открыл это не Спиноза и не наша эпоха. Показательно в этой связи «осевое время» в концепции немецкого философа Ясперса. Осью мировой истории он назвал VI-V вв. до н.э., когда разные цивилизации практически одновременно сделали грандиозный рывок в духовной и интеллектуальной культуре. Но одновременно с великими достижениями в осевую эпоху был феноменально (на уровне описания явления) обнаружения указанный предел, связанный с гедонизмом. Речь идет о том, что в эпоху цветущих цивилизаций на основе безмерного увеличения вещной и социальной среды, выступающей в качестве средового фактора стимуляции деятельности, оказалось акцентированным именно субъективное звено мотивирующей системы человека. Оно превращается в самоподдерживающийся источник активности, который стимулирует дальнейшее обогащение вещной и социальной среды. Позднее это называли законом возвышения потребностей. Характерно изобретение массы вещей и форм деятельности (например, искусство), специально вызывающих эмоции и чувства гедонического характера. Сократ, посетив афинский рынок, изрек: никогда не думал, что существует так много вещей, без которых можно обойтись. Вся система мотивации переворачивается в смысле иерархического соотношения цели и средств.

Стратегия освобождения

человека от рабства у субъективности заключалась в попытках выхода на более прочное, объективное основание внутренней активности человека. Первую по времени осуществил Платон в своих диалогах («Филей»). Самый же грандиозный приступ на человека зависимого, пленника своей природы в истории цивилизаций сделало христианство

Наше время оценивается как эпоха всеобщего, глобального кризиса цивилизации, но не только не только из-за экологической проблемы. Всеобщность кризиса вытекает из того, что произошел радикальный культурный откат, движение вспять западной цивилизации в целом. В силу их воздействия на все мировое сообщество, в это попятное движение втягиваются и другие страны. Откат заключается в том, что исторически выявленные и культурными средствами отодвинутые, в какой-то мере устранившие, внутренние пределы человека (для примера я привел один из них) вновь обнажились и оказываются свое разрушительное воздействие. Века христианской аскезы, достижения подвижников, казалось бы, дискредитировали идеологию гедонизма, способствовали умерению избыточности притязаний человека, обуздали чрезмерность страсти к удовольствию. Но выбор европейского человека в пользу идеологии антропоцентризма, в которой источником высших ценностей стал сам человек с его натуральными потребностями, перевернул установившуюся в христианстве иерархию высшего и низшего. Неизбежно последовавший из такой установки в индустриальных странах рост материального, вещного богатства, и буквально взрыв потребительства в XX столетии, отбросил их к дохристианскому времени. Гедонизм как идеология высшей ценности удовольствия фактически возвращает человека в докультурное состояние. Он растворяется

и культивирует в человеке низшее, животное начало, ибо удовольствие управляет поведением и наших меньших братьев. Разница заключается лишь в том, что у них не хватает интеллекта для того, чтобы превратить его в культ. Вытекающее из идеологии антропоцентризма и гедонизма материальное потребительство автоматически порождает сверхпроизводство вещей, экологические преступления и жестокую борьбу за ресурсы производства.

Именно специфическое устройство мотивационной подсистемы человека, замыкающейся на гедоническом ядре, объясняет упорство человека в желании жить все лучше и комфортней, получать приятных ощущений все больше и больше. Если учесть, что эстетизированная чувственность, утонченный гедонизм высокой культуры выступали в истории не только разрушительной, но и созидательной силой, то можно сказать, что устройство потребностно-мотивационной «машин жизни» самопротивечно, антиномично. Удовольствие, являясь корнями жизни и созидания, одновременно является и корнями разрушения, в зависимости от того, как оно используется. В этом заключается причина того, что ни одной из идеологий, провозглашавших совершенствование человека, не удалось с ним справиться.

Но полное подавление гедонического начала – возможно. Эта программа реализована была в христианской аскезе, в монашеской практике. Борьба с удовольствием является основным содержанием главного, подготовительного этапа всего процесса, называемого «духовным деланием». Но она является невероятно трудоемким делом, удававшимся далеко не всем подвигающимся в нем. В христианской аскетике разработаны тонкие методы поэтапного искоренения греховых влечений. Начальным этапом является обуздание «желательного»

начала, с которыми связаны гедонические перехлесты человеческой природы. Его усмиление ведет к ослаблению пороков «яростной» части души (гнев, зависть, ненависть, соперничество и т.п.). Затем уже становится возможным ущемление пороков разумной части души, прежде всего, гордыни.

Гедонизм, возросший в Новое время еще и на идеологическом фундаменте либерализма (личные права, свободы, личное благо человека), является главным возмущающим фактором при попытках выстраивания какой-либо стратегии устойчивого развития. Гедонизм и вызываемое им сверхпотребление богатых и мечты о таком же уровне у бедных – две стороны одной медали. Без подавления разгула гедонических устремлений никакие программы стабилизации работать не будут. Почему именно сейчас гедонизм становится принципиальным препятствием в развитии цивилизации? Причина в том, что раньше гедонические наклонности могли реализовать лишь привилегированные аристократические круги, жизнь остальных была весьма скучной и су-

ровой. Рост совокупного богатства буржуазных капиталистических обществ вовлек в этот процесс большие массы людей.

Что касается реалистических средств подавления гедонических устремлений масс, то наилучшим из них является, во-первых, *страх*. Напугать человека может лишь природа своим ответом на претензии человека жить все лучше и лучше, – в смысле количества и качества доступных материальных благ. Во-вторых, нет смысла уповать на лозунги и нормативное программирование людей в том духе А. Печчини, что нам нужно обрести чувство глобальности, ответственности, нетерпимости к насилию, любви ко всему живому и т.п. Нет числа благородным призывам, но воз и ныне там. Поэтому следует обратить внимание на «закон» циркуляции порока, открытый когда-то римским стоиком Сенекой. Речь идет о его глубоком наблюдении, вытекающем из пессимистического убеждения, что «человек от природы зол». В силу этого Сенека считает, что человек порочен всегда, во все времена и эпохи. Но пороки его склонны к непостоянству, сме-

няют друг друга, и тем самым формируют неповторимый «кокорит» того или иного общества.

Что следует из этой сентенции Сенеки? Нельзя из огромного числа людей выбрать порок и внедрить сразу добродетель. Можно лишь видоизменить порок, избавившись от наиболее разрушительных его видов в конкретных обстоятельствах места и времени. Среди приемов христианской аскетики есть и принцип «клин клином». В соответствии с ним гедонизм может быть смягчен и отодвинут на периферию переводом потока дурных страстей в русло цивилизованных форм соперничества между индивидами, группами, государствами, цивилизациями. Это означает, что в борьбе с рождающим гедонизм желательным началом можно опереться на яростное начало души – до лучших времен. С этой точки зрения рождающийся век может стать не менее жестоким, чем прошедший, только его нелицеприятный облик будет иным, нам пока неизвестным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М., 1998.
2. Моисеев Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизаций // Общественные науки и современность. – 1992. - № 5.
3. Римский клуб / Сост. Д.М. Гвишиани и др. – М., 1997.
4. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. – М., 1997.
5. Зарин А.С. Аскетизм по православно-христианскому учению. – М., 1996.

□ Автор статьи:

Миненко
Геннадий Николаевич
- канд. филос. наук, доц., зав. каф.
культурологии и искусствознания
Кемеровского государственного уни-
верситета культуры и искусств